

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья

УДК 364.1

doi: 10.17223/19988613/79/23

Социальная коммуникация и формирование инклюзивной культуры в вузе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники)

Валентина Ивановна Зиновьева¹, Максим Валерьевич Берсенев²

^{1, 2} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ valentina.i.zinoveva@tusur.ru

² m.bersenev@gmail.com

Аннотация. Развитие социальной коммуникации в плане формирования инклюзивной культуры в студенческой среде изучается на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). По результатам корреляционного анализа данных, полученных в ходе анкетного опроса, сформировано представление о коммуникативных особенностях студентов различных факультетов, определены основные группы со схожими характеристиками, что позволяет спланировать социальную работу в вузе.

Ключевые слова: инклюзивная культура, социальная коммуникация, корреляционный анализ

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука» FEWM-2020-0036.

Для цитирования: Зиновьева В.И., Берсенев М.В. Социальная коммуникация и формирование инклюзивной культуры в вузе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 189–195. doi: 10.17223/19988613/79/23

Original article

Social communication and creating an inclusive culture at the university (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics)

Valentina I. Zinovieva¹, Maxim V. Bersenev²

^{1, 2} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ valentina.i.zinoveva@tusur.ru

² m.bersenev@gmail.com

Abstract. The authors define an inclusive culture as a level of development expressed in a humane, tolerant and safe attitude of people towards each other. The creation of an inclusive culture in the ecological space of the university is based on the development of social interaction, mutual respect between people, regardless of what social group they belong to. Students with disabilities are supported by law with special learning conditions, which contributes to the equalization of the rights of this group of young people in obtaining higher education. The small number of this group does not reduce the importance of the problems of inclusive education in higher education and does not eliminate the problems of their stigmatization and exclusion.

The development of social activity and the formation of positive interaction between students with and without disabilities contributes to the development of the potential of both groups. Social communication becomes the basis for the creation of inclusion, it is a process of information dissemination aimed at the transition from the medical model of disability (perceptions of people with disabilities as helpless people) to social one (perceptions of the need for their personal development).

A questionnaire-based survey of students of all courses and faculties of the university showed, on the one hand, a high level of their communication skills in the social sphere, in the field of logical thinking and intellectual development, which is a factor of inclusion, but, on the other hand, it showed a high level of emotional instability and conformity. The main information channel of social interaction between people is verbal communication.

In order to establish the relationship between the faculty, the course, the gender of the students, on the one hand, and the above factors, on the other hand, a correlation analysis was carried out. The Spearman technique has been used to identify correlations between the variables identified by the test results, as well as the Mann-Whitney method to determine the relationship between these variables and the course, faculty, and gender of the respondents.

Thus, in order to build equal relations in a university, thoughtful educational work is needed. In addition, the authors had to explain the principles of inclusion for clarity and in an accessible, "clear language" style. It is possible to determine the main methods for the creation of an inclusive culture among TUSUR students, if we take into account their communication features: personal experience (including extracurricular) of communicating with disabled people, brochures, manuals and other material, classes in the Education design format. Each of these methods will have an impact predominantly on the majority of students in a particular faculty, contributing to the formation of an inclusive culture.

Keywords: inclusive culture, social communication, correlation analysis

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task "Science" FEWM-2020-0036.

For citation: Zinovieva, V.I., Bersenev, M.V. (2022) Social communication and creating an inclusive culture at the university (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 189–195. doi: 10.17223/19988613/79/23

Инклюзивная культура определяется как уровень развития, выражающийся в гуманном, терпимом и безопасном отношении людей друг к другу. Формирование инклюзивной культуры в экосистеме вуза, где есть субъекты и окружающая среда, означает развитие сотрудничества, социального взаимодействия, взаимоуважения между людьми независимо от их вхождения в те или иные социальные группы. Студенты с инвалидностью, т.е. инвалиды I, II и III групп (если они инвалиды с детства), и дети-инвалиды, согласно Указу Президента РФ (2021), пользуются бессрочной льготой в пределах 10% квоты при поступлении, а также в соответствии со ст. 79 ФЗ «Об образовании в РФ» им и студентам с ограниченными возможностями здоровья предоставляются специальные условия обучаемой группы молодых людей в получении высшего образования. Удельный вес таких студентов в российских вузах не превышает 0,38% от общего числа студентов, тогда как в европейских странах этот показатель достигает 5%. [1. С. 13–14]. В Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) этот показатель составлял на 2020–2021 учебный год (с учетом студентов факультета дистанционного обучения (ФДО)) 0,7%. Малочисленность данной группы не снижает актуальности проблем инклюзивного образования в высшей школе. По данным анкетных опросов студентов, которые регулярно проводятся в ТУСУРе, 80% респондентов однозначно признают принципы инклюзии, и вместе с тем до 20% относятся к таким студентам с предубеждением. Положение этой группы в вузе с учетом специальных условий обучения и выделение квоты при поступлении могут привести к их стигматизации и эксклюзии.

В действительности выравнивание возможностей обучения для эффективного развития всех, включая инвалидов, установление взаимопонимания – это по-

зитивный и продуктивный процесс, который способствует успешной профессионализации, приобретению навыков и компетенций. Любые взаимоотношения между людьми начинаются с установления контактов. В образовательном процессе это прямо связано с развитием социальной активности и социального общения. В свою очередь, социальная коммуникация в контексте формирования инклюзии представляет собой процесс распространения информации, нацеленный на переход от медицинской модели инвалидности (представление об инвалидах как беспомощных людях) к социальной (представление о необходимости их личностного развития).

Проблема формирования позитивной атмосферы и инклюзивной культуры в духе социальной модели инвалидности, когда на первый план выдвигается идея личностного роста и развития потенциала лиц с инвалидностью в образовательном пространстве вуза, рассматривается в ряде публикаций.

В качестве одной из значимых целей в обучении Ю.В. Глузман называет преодоление коммуникативного барьера, восстановление нормальных для возраста и статуса коммуникаций, которые способствуют также социальной реабилитации инвалидов [2. С. 64]. Необходимость создания среды, которая помогает чувствовать себя полноценным человеком и способствует успешной социализации и адаптации в студенческой группе, отмечается в статье Т.А. Финогеевой и О.В. Карамышевой [3. С. 44]. В свою очередь, И.В. Захарова считает, что формирование инклюзивной среды необходимо анализировать не только в рамках отдельной образовательной организации, но и в региональном контексте, но при этом важна координация всех уровней системы образования через административную деятельность [4. С. 73]. Фактор сетевого взаимодействия в рамках РУМЦ, отмечает И.В. Патрушева, способствует становлению инклюзивной культуры [5. С. 43].

Цель данной работы – проанализировать результаты социологического опроса студентов вуза в рамках формирования инклюзивной культуры в социальной коммуникации.

Первостепенное значение формирование позитивной коммуникативной среды имеет для студенческого сообщества как на этапе социальной адаптации, так и в плане приобретения ими профессиональных компетенций. Негативные коннотации в отношении инвалидности, предубеждения, ложные стереотипы остаются достаточно сильными факторами взаимоотношений, они оказывают влияние на молодых людей, могут формировать соответствующие модели поведения и жизненный опыт, проявляться в форме дискриминации. Есть студенты, которые не прошли по конкурсу на бюджетное место из-за существующей квоты для обучения инвалидов, и они могут выражать открыто или в скрытой форме свое недовольство. Главным информационным каналом социального взаимодействия является вербальная (словесная) коммуникация.

Для выстраивания равноправных отношений в вузе необходимы продуманная воспитательная работа, разъяснение принципов инклюзии в целях ясного понимания в стиле «ясного языка».

Этот подход появился еще в 20-е гг. XX в. в скандинавских странах в рамках теории «нормализации» и независимого проживания лиц с инвалидностью, но сам термин «ясный язык» уже в 90-х гг. XX в. был предложен финским нейропсихологом Еленой Вяякупус для использования в виде специально упрощенной, доступной для понимания речи первоначально в общении с людьми, имеющими ментальные нарушения [6]. Затем сферы его применения стали расширяться, возникли активисты этого движения, стали созываться встречи, появились «ассоциации ясного языка» с официальной регистрацией во многих странах [7].

Методика «ясного языка», выстроенная по принципу «одна мысль, одно предложение», первоначально начала успешно применяться к тем людям, которые не имели опыта работы с документами разных учреждений. Задача в этом случае заключалась в переводе текстов печатных форм различных учреждений на простой и однозначный, без сложных формулировок язык, предназначенный для обычных граждан. Кроме того, стали появляться тексты на языках диалектов, распространенных в той или иной местности. Этого требовала социокультурная интеграция. Затем в орбиту внимания специалистов попали переводы с разных языков или на другие языки, которые были малопонятными, а сложные формулировки затеняли смысл. В этом плане для многих граждан дисфункциональными могли быть инструкции, учебники, правила, что могло отражаться на их безопасности. Ясный язык изложения должен был стать в учреждениях средством доступности информации, а также и средством коммуникации.

Общение на ясном языке помогает людям понимать и использовать сложную информацию, быть самостоятельными и независимыми от обстоятельств в принятии решений. Идея использовать эту методику приобретает популярность в России как в контексте

реализации инклюзивного образования, так и для налаживания социальных коммуникаций.

Известно, что человек в своей жизни имеет дело с двумя основными системами: воспитывающей (формирующей идентичность, ценности, стереотипы поведения) и официальной (системой обучающих учреждений, а также тех, которые дают средства к существованию). В этих системах различны формы и способы получения информации. В официальной области нивелируется значение этнической, религиозной, семейной и тому подобных идентичностей, и требуется социальная идентичность как основа ориентации человека в социальном мире. Для молодежи характерно состояние поиска своей идентичности (тождественности) по отношению к той или иной социальной группе. Кроме того, в рамках «жизненных переходов», к примеру от школы к вузу, в период адаптации требуется по-новому учиться принимать информацию и применять ее в практической жизни. В особенности это актуально для абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья (ментальными нарушениями). Они поступают в вуз вне тех льгот, которые полагаются лицам с инвалидностью, практически не учитываются приемными комиссиями, но могут нуждаться в адаптации и помощи в гораздо большей степени. В вузовской практике был случай, когда в начале учебного года такой студент-первокурсник не понял, как пользоваться расписанием учебных занятий, и каждое утро приходил в деканат чтобы спросить, в какой аудитории он должен учиться. В основе методики «ясного языка» применительно к обучению в высшей школе существует требование доступно и понятно излагать также и научные знания. Не менее важны в академической среде непредвзятое отношение к студентам с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья и социальное общение в позитивной тональности. Инклюзия могла бы распространяться быстрее, если бы в межличностном взаимодействии, которое предполагает управление групповой динамикой, все субъекты придерживались методики «ясного языка». Сама структура речи – без искажений и стигматизации, тон общения, интернальность, т.е. способность субъектов брать на себя ответственность за свои слова и дела, способствуют позитивности.

Социальная коммуникация – это важнейшая сфера жизнедеятельности любого общества. Именно в области социальных отношений происходит обмен наиболее важной информацией, в том числе между представителями различных социальных групп, обоснование и принятие решений, здесь люди взаимодействуют с той системой, которая дает средства к существованию. Это также область взаимодействия представителей всех слоев общества и формирования инклюзивной культуры, внутренних смыслов, ценностей, а также внешних форм и стереотипов поведения.

На студенческой скамье у вузовской молодежи в рамках профессиональной подготовки формируются навыки социальной коммуникации, которые необходимы для трудоустройства и социальной мобильности. Коммуникативная компетентность – это система знаний и умений в ситуации социального общения, при этом специалист должен иметь навыки: быть готовым

к контактам; уметь поддерживать диалог; проявлять смелость в установлении контактов, не испытывать чувство усталости от контактов. Это развивает его перцептивные способности и позволяет установить аутентичную дружбу с собеседником. Умение устанавливать и поддерживать контакты с коллегами и сослуживцами служат успешной профессионализации.

В 2021–2022 учебном году в академических группах студентов ТУСУРа был проведен анкетный опрос по методике, предложенной Н.П. Фетискиным, В.В. Козловым и Г.М. Мануйловым [8] по диагностике коммуникативной социальной компетентности (КСК). Гипотезой исследования было предположение, что у студентов есть логическое мышление, общительность преобладает над замкнутостью, и в целом сформированы основы коммуникативной социальной компетентности. Кроме того, опросник позволяет выявить склонность к асоциальному поведению, пренебрежению к принятым общественным нормам, а также определяет шкалу правдивости, т.е. искренности в ответах.

Анкетный опрос носил анонимный характер, в нем участвовал 101 студент, 49,5% – девушки, 50,5% – юноши. 27% ответов дали студенты радиоконструкторского факультета (РКФ), 18,8% – радиотехнического (РТФ), 11,5% – экономического (ЭФ), 10,9% – факультета электронной техники (ФЭТ), по 7,9% – юридического (ЮФ) и факультета систем управления (ФСУ), 5% – факультета безопасности (ФБ), по 4% – факультета вычислительных систем (ФВС) и гуманитарного факультета (ГФ), 2% – факультета инновационной техники (ФИТ). 50,5% составили студенты 1-го курса, 13,9% – 2-го курса, 27,7% – 3-го курса, 7,9% – 4-го курса, т.е. практически студенты всех курсов и факультетов вуза. Такой широкий характер выборки позволяет сделать вывод о достоверной картине в части коммуникативной социальной компетентности респондентов, вероятностном прогнозе успешности их профессиональной деятельности. Характеристики коммуникативности, в свою очередь, являются показателями не только личностной культуры, но и основ принятия идеологии инклюзии. Студенты отвечали на вопросы теста, направленного на выделение коммуникативных способностей (А: общительность, В: развитое логическое мышление, С: эмоциональная устойчивость, Д: жизнерадостность, К: чувствительность – реалистичность, М: независимость от чужого мнения – зависимость, Н: самоконтроль – импульсивность, П: склонность к асоциальному поведению, Л: достоверность или недостоверность ответов).

При обработке ответов респондентов по фактору общительности (А) было выяснено, что высокие показатели – от 16 до 20 баллов – имеют 12 человек; близки к ним те, у которых общительность преобладает над замкнутостью – 26 чел. Кроме того, в группе набравших от 8 до 12 баллов (в меру открыт, в меру замкнут) оказалось еще 46 человек. Итого по данному показателю 84 студента (83% от числа всех респондентов) показали высокий и средний уровень общительности, что частично подтверждает гипотезу исследования и является достаточной основой для социального взаимодействия и принятия идей инклюзии.

По фактору В (развитое логическое мышление) максимальный уровень показали 28 респондентов, а близкий к этому, т.е. «выраженный», – 32. При этом средний уровень оказался у 37 студентов, что в целом составило абсолютное большинство – 96% т.е. в студенческой среде есть база для когнитивного мышления, в том числе в направлении теорий равноправия и инклюзии.

При анализе фактора эмоциональной устойчивости С выяснилось, что 38 человек (37%) склонны к вспыльчивости, но испытывают недовольство собой, еще 16% эмоционально слабо развиты, склонны к эгоизму, и только 46 студентов имеют оптимальный уровень по этому показателю. В такой аудитории выражение эмпатии может стать проблемой.

Определенное значение имеет фактор конформизма М. По двум высшим шкалам (в том числе по выраженности) 27 человек продемонстрировали самостоятельность в принятии решений, из них уверенных в себе было 9 человек. Это потенциальные лидеры, от их позиций многое может зависеть в группах, при этом важна позитивная направленность их действий. Таким образом, большая группа студентов (35%) склонна к колебаниям и 10 человек – это конформисты.

При определении «правдивости», которая позволяет судить о достоверности ответов по разным факторам, четыре респондента не прошли этот тест. Склонности к асоциальному поведению не было зафиксировано.

Таким образом, высокий уровень общительности в социальной сфере и интеллектуального развития студентов сочетается с относительно слабой и неустойчивой эмоциональностью, склонностью к конформизму. Это отчасти объясняется возрастными особенностями периода юности, маргинальностью (промежуточным положением между детством и взрослой жизнью), недостаточным жизненным опытом и просчетами в воспитании. Тем не менее это противоречие усиливает значение просвещения на студенческой скамье на основе современного понимания гуманизма как веры в неограниченные возможности развития личности, ее потенциала, таких качеств, как способность к эмпатии, активному слушанию и аутентичной дружбе. Это также актуально в студенческой аудитории в плане формирования инклюзивной культуры.

Для установления связи между факультетом, курсом, полом студентов, с одной стороны, и с вышеназванными факторами – с другой, мы провели корреляционный анализ. Анализ результатов продемонстрировал нам ненормальное распределение, т.е. такое, при котором полученные величины не распределяются равномерно, в соответствии с кривой Гаусса. Для анализа корреляций при таком распределении обычно используются непараметрические методы. Мы использовали непараметрическую методику Спирмена для выявления корреляций между переменными, выявленными по результатам тестов. Методика Спирмена позволяет определить тесноту и направление корреляционной связи между двумя признаками (взятыми каждый раз отдельно). Для определения взаимосвязей между этими переменными и курсом, факультетом и по-

лом респондентов мы использовали методику Манна–Уитни. Критерий Манна–Уитни используется обычно для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню признака, измеренного количественно. Он позволяет выявить различия в значении параметра среди малых выборок (101 человек – как раз такая выборка). Иными словами, мы сравнивали каждую переменную (к которой относятся пол, факультет, возраст и все переменные, касающиеся коммуникационных компетенций студентов, описанные выше) друг с другом попарно, независимо от других. Величина среднего ранга указывает на преимущественную склонность к проявлению первого качества из набора. Так, если по переменной А (общительность – необщительность) представители мужского пола продемонстрировали средний ранг 42,88, а женского – 58,43, это означает, что в нашей выборке статистически чаще более общительными являются женщины. Аналогично мы сделали выводы по другим обнаруженным корреляциям.

По переменной А (общительность – необщительность) были выявлены различия по основанию пола и факультета. U-критерий Манна–Уитни при сопоставлении пола и переменной А равен 861,0, двусторонняя значимость составила 0,007, средний ранг по мужскому полу составил 42,88, а по женскому – 58,43. Принадлежность к различным факультетам также выявляет разницу по фактору А. Гуманитарный факультет при сравнении с радиотехническим продемонстрировал U-критерий Манна–Уитни, равный 6,5, двусторонняя значимость составила 0,01, средние ранги составили 10,34 (РТФ) и 19,88 (ГФ). В сравнении этого же факультета с радиоконструкторским U-критерий составил 16,0, двусторонняя значимость – 0,022, средние ранги – 15,07 (РКФ) и 26,5 (ГФ). Сопоставление с факультетом вычислительных систем показало U-критерий, равный 0,5, двустороннюю значимость 0,027, средние ранги – 2,63 (ФВС) и 6,38 (ГФ). При сопоставлении с юридическим факультетом U-критерий был равен 3,0, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 4,43 (ЮФ) и 8,75 (ГФ). Экономический факультет показывает различие по этому фактору в сравнении с радиотехническим (U-критерий в этом сравнении равен 40,0, двусторонняя значимость – 0,003, средние ранги – 12,11 (РТФ) и 22,17 (ЭФ)), радиоконструкторским (U-критерий 86,0, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 17,57 (РКФ) и 27,33 (ЭФ)) и юридическим (U-критерий 16,0, двусторонняя значимость 0,027, средние ранги – 6,29 (ЮФ) и 12,17 (ЭФ)). По этому критерию также демонстрируют различия ФИТ и ряд других факультетов (РТФ: U-критерий 1,5, двусторонняя значимость – 0,035, средние ранги – 10,08 (РТФ) и 19,75 (ФИТ); ФЭТ: U-критерий 0,5, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 6,05 (ФЭТ) и 12,05 (ФИТ)). В целом статистически чаще более общительными являются девушки. Студенты гуманитарного факультета более общительны, чем студенты РТФ, РКФ, ФВС и ЮФ, студенты экономического факультета также более общительны по сравнению со студентами РТФ, РКФ, ЮФ. Студенты факультета инновационной техники имеют преимущество в общении по сравнению со студентами РТФ и ФЭТ. Эти ре-

зультаты взаимосвязаны, на наиболее «коммуникативных» факультетах преобладают представители женского пола. Не выявлено связи между возрастом и переменной А, т.е. студенты не становятся более или менее общительными по мере перехода с курса на курс.

По переменной В (развитое логическое мышление) были получены следующие результаты. Значимых различий по полу и возрасту не выявлено. Радиотехнический факультет демонстрирует различия с факультетом систем управления (U-критерий 47,0, двусторонняя значимость – 0,027, средние ранги – 16,16 (РТФ) и 8,88 (ФСУ)) и факультетом вычислительных систем (U-критерий 13,0, двусторонняя значимость – 0,40, средние ранги – 13,32 (РТФ) и 5,75 (ФВС)). Радиоконструкторский факультет по этому фактору отличается от факультета вычислительных систем (U-критерий 22,5, двусторонняя значимость – 0,043, средние ранги – 17,70 (РКФ) и 8,13 (ФВС)). Других различий по этому критерию не выявлено. Мы можем сделать общий вывод о том, что РТФ и РКФ демонстрируют лучшие показатели по логическому мышлению, чем ФВС, а РТФ также опережает по этому показателю и ФСУ. Вероятно, это связано с особенностями подготовки на данных факультетах. При этом гипотеза о том, что по логическому мышлению условно гуманитарные факультеты будут отличаться от условно технических, не подтверждается.

Переменная М (независимость либо зависимость от чужого мнения) показала статистически значимые различия при сравнении факультетов. Так, факультет систем управления показывает различия по этому критерию от факультета вычислительных систем. U-критерий составляет 4,5, двусторонняя значимость – 0,048, средние ранги – 5,06 (ФСУ) и 9,38 (ФВС). Показатели ФСУ также коррелируют с показателями юридического факультета. U-критерий в этом случае равен 5,5, двусторонняя значимость – 0,009, средние ранги – 5,19 (ФСУ) и 11,29 (ЮФ). Показатели юридического факультета по этой переменной соотносятся с показателями ЭФ. U-критерий составляет 18,0, двусторонняя значимость – 0,041, средние ранги – 8,0 (ЭФ) и 13,43 (ЮФ). Значимых различий по полу и возрасту не выявлено. Мы можем сделать вывод, что студенты ФСУ являются более зависимыми от чужого мнения, чем студенты ФВС и ЮФ, а студенты ЮФ – менее зависимы, чем студенты ФСУ и ЭФ.

По переменной Н (самоконтроль – импульсивность) факультет безопасности проявляет различия почти со всеми другими факультетами ТУСУРа. С РТФ: U-критерий 2, двусторонняя значимость – 0,001, средние ранги – 10,11 (РТФ) и 21,60 (ФБ). с РКФ: U-критерий 25,5, двусторонняя значимость – 0,024, средние ранги – 15,41 (РКФ) и 25,90 (ФБ). С ФСУ: U-критерий 6,0, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 5,38 (ФСУ) и 9,80 (ФБ). с ФВС: U-критерий 0, двусторонняя значимость – 0,013, средние ранги – 2,5 (ФВС) и 7 (ФБ). С ЭФ: U-критерий 7, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 13,6 (ФБ) и 7,08 (ЭФ). С ЮФ: U-критерий 4, двусторонняя значимость – 0,028, средние ранги – 9,2 (ФБ) и 4,57 (ЮФ). Также по этой переменной выявлены значимые различия в возрасте

студентов. Студенты 3-го курса отличаются от студентов 1-го курса (U-критерий 465,5, двусторонняя значимость – 0,010, средние ранги – 35,13 у 1-го курса и 48,88 у 3-го курса) и 2-го курса (U-критерий 81, двусторонняя значимость – 0,002, средние ранги – 13,29 для 2-го курса и 25,61 для 3-го). Вывод по этой переменной: в наибольшей степени самоконтроль проявляют студенты факультета безопасности (в сравнении с РТФ, РКФ, ФСУ, ФВС, ЭФ и ЮФ), а также студенты 3-го курса в сравнении с вторым и первым курсами. Первое можно объяснить некоторой профессиональной деформацией студентов факультета безопасности, второе – тем, что к третьему курсу студенты «взрослеют», и те из них, кто не был отчислен, учатся нормально реагировать на учебные события. Тем не менее по этой логике студенты 4-го курса должны демонстрировать еще более высокий уровень самоконтроля, но мы этого не наблюдаем. Это можно объяснить тем, что во время проведения опроса (весенний семестр) студенты 4-го курса чувствуют себя более свободно по сравнению с третьекурсниками.

По переменной С (эмоциональная устойчивость) выявлены различия между факультетом электронной техники и гуманитарным факультетом. U-критерий составил 5,0, двусторонняя значимость – 0,26, средние ранги – 9,55 (ФЭТ) и 3,75 (ГФ). Студенты факультета электронной техники статистически более эмоционально устойчивые, чем гуманитарии. Мы предполагаем, что это связано с преобладанием на гуманитарном факультете девушек, а на ФЭТ – юношей. Других различий по этой переменной не выявлено.

Не выявлено различий между факультетами, юношами и девушками, студентами различных курсов по переменной Д (жизнерадостность). Студенты находятся на одном уровне жизнерадостности независимо от факультета, курса обучения или пола.

По переменной К (чувствительность – реалистичность) различия были выявлены по полу. U-критерий составил 806,0, двусторонняя значимость – 0,002, средние ранги – 41,8 (юноши) и 59,55 (девушки). Девушки статистически чаще демонстрируют чувствительность, юноши – реалистичность. Выявлены различия между экономическим факультетом и четырьмя другими факультетами. При сравнении с РТФ U-критерий составил 64,0, двусторонняя значимость – 0,04, средние ранги – 13,37 (РТФ) и 20,17 (ЭФ). В сравнении с ФЭТ: U-критерий 27,0, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 8,45 (ФЭТ) и 15,25 (ЭФ). В сравнении с факультетом безопасности: U-критерий 11,5, двусторонняя значимость – 0,046, средние ранги – 5,3 (ФБ) и 10,54 (ЭФ). В сравнении с ФИТ: U-критерий 1,5, двусторонняя значимость – 0,05, средние ранги – 8,38 (ЭФ) и 2,25 (ФИТ). Экономисты статистически чаще являются чувствительными людьми, чем студенты РТФ, ФБ, ФЭТ и ФИТ. Частично это объясняется преобладанием на экономическом факультете девушек, однако гуманитарный факультет, на котором девушки тоже преобладают, чувствительностью не отличается.

Обобщим основные преобладающие характеристики студентов различных факультетов.

Студенты радиоконструкторского факультета отличаются низкой общительностью, развитым логическим мышлением. Студенты факультета электронной техники эмоционально устойчивее, чем гуманитарии. Студенты факультета систем управления меньше проявляют способности к логическому мышлению, чем студенты РТФ, более зависимы от чужого мнения, чем студенты ЮФ и ФВС. Студенты факультета вычислительных систем менее общительны, чем гуманитарии, менее склонны к логическому мышлению, чем студенты РТФ и РКФ, менее зависят от чужого мнения, чем студенты ФСУ. Гуманитарии более общительные, чем студенты других факультетов, однако также более импульсивны (по сравнению с ФЭТ). Студенты факультета безопасности опережают студентов шести других факультетов по показателю самоконтроля (и это их главная отличительная черта), а также менее чувствительны, чем экономисты. Экономисты общительные, чувствительные. Юристы независимы от чужого мнения. Студенты факультета инновационной техники общительны, менее чувствительны, чем экономисты.

Все эти характеристики способны по-разному повлиять на формирование инклюзивной культуры. Скорее всего, высокая склонность к общению способствует более быстрому формированию инклюзивной культуры при условии, что такие люди будут сталкиваться с представителями других групп. Поэтому студентам ГФ, ЭФ и ФИТ для формирования у них инклюзивной культуры рекомендуется встречаться с людьми, которых планируется включать в общество. Это может быть достигнуто как естественным путем, при совместном обучении, так и организацией мероприятий за пределами учебного плана. Личный опыт общения с инвалидами должен помочь формированию инклюзивной культуры студентам ФСУ, РКФ и РТФ, однако, если учесть, что они более остальных склонны к логическим выводам, на них может оказать неплохое воздействие и создание обучающих брошюр, видеороликов, в которых бы рассказывалось о пользе формирования инклюзивной культуры. Студенты с высокой эмоциональной устойчивостью (ФЭТ, ФБ), помимо личной встречи, необходимой для формирования инклюзивной культуры, нуждаются в проведении специальных занятий в формате с кураторами, на которых им будут приводиться доводы в пользу принятия в коллектив дискриминируемых меньшинств, таких как инвалиды. Студентам, независимым от чужого мнения (ЮФ), также рекомендуется опыт личного общения с инвалидами для формирования собственных суждений по поводу инклюзивной культуры.

Таким образом, формированию инклюзивной культуры студентов ТУСУРа способствуют как формы и методы социальной работы, так и их коммуникативные особенности: личный опыт (в том числе внеаудиторный) общения с инвалидами, брошюры, методички и видеоролики, занятия с кураторами. Каждый из этих методов будет оказывать преимущественное влияние на большинство студентов того или иного факультета, способствуя формированию инклюзивной культуры.

Список источников

1. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Глузман Ю.В. Теория и практика инклюзивного образования в вузе: отечественный и зарубежный опыт. Симферополь: АРИАЛ, 2019. 244 с.
3. Финогеева Т.А., Карамышева О.В. Формирование готовности студента колледжа к оказанию поддержки лицам с ОВЗ // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 октября 2021 г.) / гл. ред. С.В. Алёхина. М. : МГППУ, 2021. С. 43–47.
4. Захарова В.И. Административные аспекты инклюзии регионального образовательного пространства // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 октября 2021 г.) / гл. ред. С.В. Алёхина. М. : МГППУ, 2021. С. 72–76.
5. Патрушева И.В. Ресурсы сетевого взаимодействия в развитии инклюзивной культуры в университете // Проблемы и перспективы развития воспитательной работы в вузе : I Межвуз. науч.-практ. конф., Томск, 14 ноября 2019 г. : доклады. Томск : ТУСУР, 2019. С. 42–46.
6. Бабкина М.Д. Ясный язык как средство обеспечения доступности информации : методические рекомендации. М. : Наш солнечный мир, 2021. 144 с.
7. Plain Language Association International. URL: <https://plainlanguagenetwork.org/>
8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2009. 544 с.

References

1. Gerasimov, A.V. (2018) Opyt organizatsii i mekhanizmy razvitiya inkluzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossii [Organization and development mechanisms of inclusive higher education in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 13–21.
2. Gluzman, Yu.V. (2019) *Teoriya i praktika inkluzivnogo obrazovaniya v vuze: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Theory and practice of inclusive education at the university: domestic and foreign experience]. Simferopol: ARIAL.
3. Finogeeva, T.A. & Karamysheva, O.V. (2021) Formirovanie gotovnosti studenta kolledzha k okazaniyu podderzhki litsam s OVZ [The formation of a college student's readiness to provide support to persons with disabilities]. In: Alekhin, S.V. (ed.) *Inkluzivnoe obrazovanie i obshchestvo: strategii, praktiki, resursy* [Inclusive Education and Society: Strategies, Practices, Resources]. Moscow: MSPPU. pp. 43–47.
4. Zakharova, V.I. (2021) Administrativnye aspekty inkluzii regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Administrative aspects of the inclusion of the regional educational space]. In: Alekhin, S.V. (ed.) *Inkluzivnoe obrazovanie i obshchestvo: strategii, praktiki, resursy* [Inclusive Education and Society: Strategies, Practices, Resources]. Moscow: MSPPU. pp. 72–76.
5. Patrusheva, I.V. (2019) Resursy setevogo vzaimodeystviya v razvitiu inkluzivnoy kultury v universitete [Resources of network interaction in the development of inclusive culture at the university]. *Problemy i perspektivy razvitiya vospitatel'noy raboty v vuze* [Problems and Prospects for the Development of Educational Work in the University]. Proc. of the First International Conference. Tomsk, November 14, 2019. Tomsk: TUSUR. pp. 42–46.
6. Babkina, M.D. (2021) *Yasnyy yazyk kak sredstvo obespecheniya dostupnosti informatsii: metodicheskie rekomendatsii* [Clear language as a means of ensuring the availability of information: guidelines]. Moscow: Nash solnechnyy mir.
7. *Plain Language Association International*. [Online] Available from: <https://plainlanguagenetwork.org/>
8. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy.

Сведения об авторах:

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Берсенева Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina I. Zinovieva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Maxim V. Bersenev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02. 2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 18.02. 2022; accepted for publication 07.09.2022